

Путь на север.

От поселка Цинши до Равнины Белых Костей Северного Домена лежал весь Чжунъюань.

Обычному практику на мече потребовалось бы около двух дней пути. На стадии Золотого Ядра и выше, с использованием массивов телепортации, хватило бы и половины дня.

Но нам это не подходило.

Потому что Ворон не пользовался массивами телепортации.

Лю Руянь попыталась воззвать к его разуму: К твой лаге привязан Узор Разрыва Миров, ты сам был телепортирован сюда, с какой стати нам нельзя переместиться с помощью телепортации?

Ворон присел на ветку софоры, взглянул на нее темно-красными глазами, затем опустил голову, поклевал перья под крылом, вытащил выпавшее перо и выплюнул его на землю.

Его позиция была предельно ясна: вы можете телепортироваться, а я нет. А раз я не могу, можете даже не надеяться отыскать Равнину Белых Костей.

— Этот ворон что, издевается надо мной? — спросила Лю Руянь.

— Он только что дал мне пощечину, — ответил я.

— И что с того?

— Это значит, что он издевается над всеми. Ты здесь не исключение.

На душе у Лю Руянь сразу стало спокойнее.

Поэтому мы выбрали компромиссный вариант — верховую езду.

Коней проспонсировал Чжоу Дафу. Услышав, что Святой отправляется в дальний путь, он среди ночи привел трех лучших скакунов из поселка Цинши и наотрез отказался брать деньги. Его аргумент звучал так: С тех пор как Святой пожаловал в поселок Цинши, курицы в моем дворе хоть и продолжают ходить на голове, но по крайней мере перестали нестись — это уже величайшая милость.

Уходя, он также сунул Лю Руянь пачку серебряных банкнот и шепнул: Заклинательница, обязательно возвращайтесь и продолжите дело с курами, стоящими на голове.

Лю Руянь с улыбкой похлопала его по плечу: Не переживай, если на севере найдутся мутировавшие куры, я выкуплю их все до единой.

Чжоу Дафу расплакался от умиления.

Я вдруг подумал, что Лю Руянь, пожалуй, куда лучше подходит на роль Святого, чем я.

По крайней мере, при ней все расстаются с деньгами с улыбкой.

Первый день пути на север выдался погожим и солнечным.

Три лошади бок о бок шагали по императорскому тракту, а Ворон сидел на голове моей лошади, словно черный флюгер. Шэнь Цзинчжэ ехал по левую руку от меня, его правая рука небрежно лежала на поводьях, а левая не покидала рукояти меча. Лю Руянь двигалась справа, всю дорогу озираясь по сторонам и притормаживая у каждого придорожного чайного навеса, чтобы спросить, нет ли у них в продаже мутировавшей домашней птицы.

— Сестрица, ты в дорогу собралась или маркетинговое исследование проводишь?

— Одно другому не мешает, — невозмутимо ответила она. — А вдруг на Равнине Белых Костей тоже водятся куры, стоящие на голове? Это же новый вид — костяные куры, одно название говорит о том, что товар пойдет на ура.

— Там даже трава не растет, откуда взяться курам.

— Значит, будут костяные вороны, — она кивнула на птицу, устроившуюся на моей лошади. — Мутировавшие вороны тоже сойдут, покупатели в любом случае найдутся.

Ворон повернул голову и каркнул на нее. Хоть слов было не разобрать, но мне показалось, что он ругается.

Шэнь Цзинчжэ за всю дорогу не проронил ни слова. Его глаза были прикованы к линии горизонта впереди, словно он чего-то выжидал.

Я подъехал ближе к нему: — Что ты высматриваешь?

— Облака.

— Что с ними не так?

— Сегодня нет облаков.

Я поднял голову к небу. Ни облачка, бескрайняя синева. Солнечные лучи падали отвесно, отчего пыль на тракте казалась золотой.

— Разве отсутствие облаков — это плохо?

— На дороге, ведущей на север, — нет. — Шэнь Цзинчжэ отвел взгляд. — Равнина Белых Костей круглый год окутана мрачными тучами, а небеса там полны злобы. Зона влияния таких туч расширяется и сужается со сменой времен года. Если сегодня не видно ни единого облачка, это значит, что все мрачные тучи полностью стянулись назад.

— И что означает это стягивание?

— Что-то на Равнине Белых Костей поглощает их.

Мы с Лю Руянь переглянулись.

— То нечто — это случайно не тот человек, которого мы ищем?

Шэнь Цзинчжэ не ответил.

Но я заметил, как его палец легко постучал по рукояти меча — эта привычка выдавала его раздумья.

Он беспокоился.

Человек, который с десяти лет убивал людей и в одиночку прорывался в Бездны Демонов без единой тени страха на лице, теперь принимался постукивать по рукояти меча из-за того, что на небе не было туч.

Кем же на самом деле был этот загадочный человек?

К вечеру мы остановились на ночлег на почтовой станции у тракта.

Станция оказалась небольшой, с двумя дворами — передним для трапезы и задним для отдыха. Смотритель содержал заведение в одиночку: хромой старый солдат с длинным шрамом от брови до подбородка, говоривший почти без движения губ, отчего его голос звучал так, будто доносился из самых глубин гортани.

— Уважаемые гости, на ночлег или перекусить?

— И то, и другое, — Лю Руянь положила на стойку мелкую серебряную монету. — Три комнаты, стол с хорошей едой и первоклассный фураж для коней.

Смотритель забрал серебро и единственным оставшимся левым глазом окинул нас троих взглядом. Его взор на мгновение задержался на мече у пояса Шэнь Цзинчжэ.

— Неплохой меч.

Шэнь Цзинчжэ приподнял веки: — Ржавый.

— Ржавый — в самый раз. — Смотритель хромая повернулся и направился на кухню. — Ржавый меч уже пробовал крови. Новые клинки слишком блестят, режут глаз.

Прежде чем отдернуть занавеску, он бросил через плечо: — Ночью окна не открывайте. Северный ветер в эти дни не отличается чистотой.

Занавеска опустилась.

Лю Руянь тихо произнесла: — Почему этот смотритель такой странный?

— Человек, побывавший в боях, — Шэнь Цзинчжэ уселся за столик в углу. — Шрам на его лице — от удара мечом. Раз он выжил, то прошел через мясорубку масштабов как минимум средней секты.

Я посмотрел туда, где скрылся смотритель, вспомнив его слова о том, что северный ветер не отличается чистотой. Он сказал ветер, а не погода. Ветер из уст старого солдата обычно означал вовсе не движение воздуха.

Это то, что приносило с собой дыхание бури.

К лапе почтового ворона привязан Узор Разрыва Миров, в небе нет облаков, а северный ветер нечист. Все улики указывали на одно: происходящее на Равнине Белых Костей куда серьезнее, чем просто новость о том, что кто-то при смерти.

Еду подали на стол: простые крестьянские блюда, но порции оказались огромными. Похоже, смотритель решил, что мы трое выглядим слишком тощими и нуждаемся в усиленном питании.

Для Ворона тоже нашлось угощение — смотритель специально нарезал ему на краю тарелки кусок сырого мяса. Птица критически оглядела угощение, покосилась на свинину в моем соусе

и смачным пинком сбросила тарелку с сырым мясом на пол.

Смотритель с непроницаемым выражением лица принес еще одну тарелку, на сей раз со свининой.

— Твоя птица капризнее хозяина.

— Она мне не хозяин.

— Тогда это твой начальник. — Смотритель оставил тарелку и хромая удалился.

Лю Руянь смеялась так, что едва удерживала палочки для еды.

Посреди ужина снаружи послышался стук копыт.

Не одного коня. Целого табуна.

По меньшей мере два-три десятка всадников. Цокот копыт был донельзя слаженным, больше напоминая марш регулярной кавалерии. Звуки стихли у входа на почтовую станцию, после чего раздался синхронный звук спешивания — глухие удары сапог о землю пронеслись далеко в сгущающихся сумерках.

Занавеска отдернулась.

Внутри широким шагом вошел молодой человек в черном боевом костюме. На его поясе красовался жереловый знак, в поверхность которого был вписан печатный иероглиф.

Закон.

Палочки Лю Руянь замерли на весу.

— Люди императорского двора, — понизив голос, произнесла она. — Стража Сюаньлюй.

Стража Сюаньлюй. Единственная в мире заклинателей организация, созданная светским двором и призванная держать под контролем культиваторов. Их полномочия позволяли среди бела дня арестовывать адептов Стадии Золотого Ядра, а за их спиной стоял союз императорского рода и древних кланов, с которым предпочитали не связываться даже крупные секты.

При этом жетон молодого человека, шедшего впереди, был золотым.

Золотой жетон. Во всей Страже Сюаньлюй такой имел лишь один человек.

— Янь Байлоу, — не поднимая головы, промолвил Шэнь Цзинчжэ и продолжил есть.

Юноша остановился у входа, окинул взглядом внутреннее помещение станции и в конце концов уставился на меня.

— Конфуцианский Мудрец Сюй Ань?

— Это я.

Он подошел к столу, выпрямился во весь рост, сложил руки перед грудью и отвесил безупречный чиновничий поклон.

— Командующий Стражи Сюаньлюй, Янь Байлоу. Я прибыл по высочайшему повелению и прошу Святого уделить мне пару минут наедине.

На станции воцарилась тишина.

Затем Лю Руянь отложила палочки и произнесла так, чтобы ее услышали все: — Попросить пару минут наедине означает лишь одно — он не хочет, чтобы мы двое это слышали.

— Я в курсе, — Шэнь Цзинчжэ продолжал орудовать палочками.

— Тебе разве не любопытно, что он скажет?

— Ни капли, — Шэнь Цзинчжэ переложил кусок свинины в свою пиалу. — Если двор ищет встречи со Святым, на то всегда есть три причины. Первая — переманить на свою сторону. Вторая — продемонстрировать силу. Третья — продемонстрировать силу в случае неудачи с первой.

— Как думаешь, какая из них сейчас?

— Судя по его лицу, — Шэнь Цзинчжэ наконец поднял взгляд на Янь Байлоу, — он пришел просить о помощи.

Уголком рта Янь Байлоу едва заметно дернул.